

— Ну, вы идёте уже?! — донесся издали негодующий голос.

— Идём-идём... — прошипела Надежда. — Неудобно, люди ждут.

— Сейчас... — Мария как-то странно поводи-ла плечами.

— Да что такое с тобой?

— Кажется, бретелька лопнула... — прошеп-тала Машка трагическим голосом.

— Какая еще бретелька? — всерьез рассерди-лась Надежда, поскольку при слове «бретелька» у нее перед глазами возникло длинное черное платье, сидящее на фигуре как влитое, очень от-крытое, на тоненьких ляпочках, то есть бре-тельках.

На ее подруге Марии Рыбниковой такого и в помине не было. Вообще Машка не умела оде-ваться, все ее костюмчики и платья выглядели безнадежно устаревшими (такими, собственно, и были), а когда под нажимом Надежды Машка и покупала новые вещи, то они совершенно не сочетались друг с другом.

Сегодня по торжественному случаю (презентация и банкет) Мария надела довольно простое свободное платье с широкими рукавами.

Платье было из плотной ткани, неопределённого цвета, рукава длинные, почти прикрывали кисти рук. Надежда, увидев такое, едва сдержала ехидное замечание, что Машка в таком прикиде здорово смахивает на мальчика-сиротку из старой детской книжки. Бедняжке отдавали вещи, что называется, «на вырост», так что рукава всегда были ниже ладоней, а брюки волочились по земле. Самое интересное, что когда мальчик вырастал, то одежда приходила в такую негодность, что сердобольные соседи выдавали ему другую, которая была также велика.

В данном случае, к чести Надежды Николаевны Лебедевой, она удержалась от нелестных замечаний. Машку не переделаешь, это точно.

— Бретелька от бюстгальтера... — Машка трагически округлила глаза. — Вот что делать? Я так не могу! — Она снова повела плечами, как народная артистка СССР Людмила Зыкина, исполнявшая известную песню «Издалика долго течёт река Волга...».

Сейчас Надежда не стала подруге читать нотации, она вытащила из сумочки английскую булавку, которую держала именно для таких экстренных случаев.

— Подколешь в туалете свою бретельку. Шуруй быстрее! — прошептала она. — Давай, торопись, а то перед Варварой неудобно.

— А где тут туалет? — пискнула Машка, но Надежда только неопределённо махнула рукой куда-то влево и побежала вслед за остальными гостями. Вестибюль опустел.

Оставшись одна, Мария вздохнула и огляделась. Она с подружкой пришла в Торговый центр на презентацию новой настольной игры, которая называлась «Молот возмездия». Почему молот? Об этом после. А сейчас она осталась одна, и ей срочно было нужно найти дамскую комнату, чтобы снять платье и подколоть бретельку. Маша двинулась в заданном направлении по довольно темному коридору, заваленному всевозможными щитами, и заставленному ящиками и стеллажами. На стеллажах тоже были напиханы бесчисленные коробки разных размеров, но с яркими надписями.

Мария протиснулась между стеллажами и повернула налево. Ничего не изменилось, перед ней был такой же узкий коридор. Тут она увидела мужчину, склонившегося над ящиком.

— Скажите, пожалуйста... — бросилась она к нему и тронула незнакомца за рукав, но тут же отскочила с испуганным криком, поскольку мужчина оказался сделан из толстого картона, и это был вовсе не человек, а скелет в костюме и цилиндре.

— Глупость какая... — тихонько сказала себе Мария, переводя дыхание. — Хотя... Тут такие штуки вполне уместны, и чего я так испугалась...

Она пошла дальше, а когда едва не споткнулась об очередную коробку и ухватилась за бли-

жайший стеллаж, из-за этого стеллажа на нее выскочил жуткий монстр. У него были длинные щупальцы и широченный рот с кривыми красными зубами. Сердце Маши снова подскочило и опять ухнуло вниз.

Переведя дух, Мария двинулась по узкому проходу. Туалета нигде не наблюдалось, то есть не было в обозримом пространстве двери с силуэтом писающего мальчика, или с общеизвестными буквами, или с изображением дамы в шляпке и джентльмена в цилиндре.

Вообще не было никаких дверей, и живых людей тоже не было, а только кривозубые монстры и коробки с острыми углами. Мария приняла судьбоносное решение: она несколько раз оглянулась, спряталась за очередной стеллаж, стянула с себя платье и заколола наконец булавкой проклятую бретельку, которая так ее подвела.

Вообще-то она ожидала чего-то подобного. Такая уж у нее судьба. Вот не любят ее вещи! И всегда в самый неподходящий момент норовят устроить какую-нибудь подлянку. Пуговицы на пальто отрываются и их потом не найти, стрелки на новых колготках спускаются с завидным постоянством, каблуки на сапогах за прошлый год отваливались два раза, причем последний раз это случилось, когда она заходила в автобус. Кто-то толкнул ее, она споткнулась о ступеньку, почувствовала, что падает, и какой-то пожилой господин поддержал ее довольно твердой рукой и попенял ей, что она неосторожна. И пока Мария его благодарила, автобус уехал вместе с ее каблуком на ступеньке.

И, разумеется, в мастерской отказались что-либо сделать, да еще приёмщица посмотрела, как на ненормальную, мол, где вам мастер такой же каблук возьмет? Так что сапоги пришлось выбросить, хо-рошо, что зима кончилась.

Еще она постоянно теряет вещи, и у сумок в самый нежелательный момент ломается молния, а у чемоданов — замки. Так что она совершенно не удивилась сегодняшнему случаю. Но, однако, нужно идти, а то она всё прозевает...

Мария вылезла из-за стеллажа, отряхнулась от пыли, повернула назад и некоторое время бодро двигалась между бесчисленным хламом в надежде, что увидит монстра, который сидит в засаде. Его всё не было, тогда она повернула направо и прошла еще некоторое расстояние по длинному коридору.

Кроме контейнеров и сундуков — никого. Не было даже картонного скелета во фраке.

Мария почувствовала беспокойство. По всему получалось, что она заблудилась. Это бы еще ничего, чай не в лесу, рано или поздно кто-нибудь ее найдет, но времени совсем нет, потому что она пропустит презентацию. А это неудобно. Подумают еще, что она нарочно ушла — из зависти или из вредности.

Тут коридор из стеллажей не то чтобы кончился, но завернул за угол. Точнее, это Мария завернула за угол и увидела, что ящики и коробки больше не валяются как попало, их вообще стало меньше. В конце этого коридорчика обнаружилась дверь с матовым стеклом.

Мария подумала, что дверь по закону подлости заперта, но дверь открылась, и она оказалась в обычном помещении, где находились стол, заваленный глянцевыми рекламными проспектами, два небольших столика, которые использовались явно как кофейные, поскольку за небольшой стойкой стояла навороченная кофемашина, сверкающая хромом и никелем. Над кофемашиной на стене была маленькая стеклянная полочка, уставленная бутылками с разноцветными сиропами. А еще в комнате на стойке стоял кассовый аппарат. Тут Марию озарило — это был офис продаж. Именно сюда приходили покупатели, именно здесь они консультировались с сотрудниками, именно здесь платили за выбранные настольные игры.

Мария с облегчением выдохнула и решила, что ее мытарства закончились. Сейчас она выйдет вон в ту неприметную дверь, обогнёт здание и войдет со двора в помещение Детского центра. А там и долгожданный банкет или фуршет. Подробности Мария пропустила, потому что разговаривала по телефону.

Но эта дверка оказалась заперта.

Мало того, сбоку мигали огоньки сигнализации, так что Мария сообразила, что если она будет ломиться в дверь, крутить ручку да вообще задержится тут на некоторое время, то по сигналу приедут сотрудники охранный фирмы, и мало ей не покажется.

Этот путь был закрыт. Но если идти назад, то она наверняка снова заблудится. Господи, ну

что ей так не везет! Мария уныло села за столик и почувствовала, что ужасно устала. Ну, кофе-то тут не выпьешь, не может же она хозяйничать самовольно, но воды-то можно взять. Она подошла к стойке и поискала воду — упаковку бутылок или кулер. Не нашла, зато увидела шкафчик. И как это раньше он не бросился ей в глаза?

Шкафчик был небольшой, примерно метр шириной, а высотой — полтора. Полки были уставлены книжками. Издания были самые разные — толстые и тонкие, взрослые и детские, довольно старые и совсем новые. Над шкафчиком висела красиво выполненная надпись от руки: «Взял одну — положи другую». «Ничего особенного, — подумала Мария. — Таких шкафчиков теперь везде много — в подъездах городских домов, в сельских магазинах, в учреждениях, где люди долго ждут чего-то...»

И тут она увидела знакомую книгу.

Да это же ее книжка! Ну да, на обложке ее имя — Мария Рыбникова, и название — «Убийство в пансионате».

Надежда Лебедева нервно взглянула на часы.

Машка отсутствовала уже почти полчаса. Наверняка заблудилась в поисках туалета. Эта тетя-ха может заблудиться в трех соснах, а за неимением сосен — в трех стульях...

Тут еще подруга Варвара подлила масла в огонь, громогласно обратившись к Надежде:

— Куда это твоя Машка запропастилась?

— В туалет пошла, — ответила Надежда негромко.

— В туалет?! — переспросила Варвара во весь голос. — Сколько можно там сидеть? Понос у нее, что ли? Она всё самое интересное пропустит! Уже начинают!

— Тихо ты! — шикнула на нее Надежда. — Неудобно же... Люди вокруг...

— А что я такого сказала?

— Пойду ее поищу... — Надежда направилась к выходу из зала.

Варвара ее остановила:

— погоди! Ну вот, теперь и ты пропадешь... Потом придется самой вас искать... Иди лучше за шампанским. А то все бокалы с подноса расхватили. Я сама...

Мария села на стул и с радостным удивлением стала листать свою книжку.

Некоторое время назад она, по выражению своей подруги Надежды Лебедевой, заделалась писательницей. Вот так скромная преподавательница университета, не слишком молодая, не слишком интересная, вдруг решила попробовать себя в сочинительстве. Написала для начала парочку романов, обратилась в издательство, там встретили ее довольно кисло, но решили, по их же собственному выражению, дать ей шанс.

Шанс этот заключался в следующем: с Марией заключили договор, пообещали минимальный гонорар, издали книжки крошечными тиражами, ни о какой рекламе не было и речи. Ее не пригла-

шали на презентации и на встречи с читателями, сотрудники издательства не высказывали из кабинетов и не раскланивались сердечно с ней в коридорах, и охранник не раскрывал вертушку заранее, отмахиваясь от пропуска: что вы, что вы, вас и так все знают... Коллеги по цеху относились к Марии индифферентно, случайно столкнувшись в издательстве, не замечали и в основном не подозревали о ее существовании. Так могло продолжаться сколь угодно долго, пока Марии самой не надоел бы такой порядок вещей. Может быть, она бросила бы писательство, убедившись в очередной раз, что она хроническая неудачница. Ничего у нее не получалось — ни в жизни, ни на работе. С мужем развелась, точнее, он ее бросил, и когда уходил, объявил, что она — скучная унылая личность. Очень он Марию обидел, на этой почве и с дочкой они не то чтобы поссорились, но как-то отделились друг от друга.

А ведь писать она начала вовсе не потому, что хотела кому-то что-то доказать, а просто появилось у нее свободное время для занятия, которое ей нравилось.

Раньше-то с работы она со всех ног домой неслась, по дороге заходя в продуктовые магазины, а потом сновала между плитой и раковиной, а потом подавала мужу ужин и выслушивала его критические замечания — это пересолено, то — недожарено, и вообще его мама делала не так.

Так что когда прошла первая обида на мужа и она осознала, что вечера и выходные теперь у нее свободны, то и решила заняться сочи-

тельством. Ей нравился сам процесс — сидишь в тишине, работаешь, никто не дергает, никто ничего не требует, не спрашивает, где носки, где полотенце и почему любимая рубашка не поглажена... Благодать, в общем...

Но все-таки хотелось какой-то отдачи.

И тут судьба оказалась к ней благосклонна. На скопленную с первых мизерных гонораров сумму Мария купила путёвку в круиз. И надо же, во время путешествия случилось таинственное убийство, и вся группа русских туристов оказалась в нем замешана. Вернувшись домой, Мария написала детектив по горячим следам. И получилось очень здорово*.

После выхода книги писательская судьба ее изменилась. Пришла какая-никакая известность, а вместе с ней также неизбежная зависть коллег...

Но это потом, когда вышел сериал по роману. Она писала книжки, они хорошо раскупались и хорошо оплачивались, но все-таки, когда Мария видела где-то свои романы, она не могла удержаться, ей обязательно нужно было взять книжку в руки и полистать. Ну вот такая у нее была привычка.

Сейчас она тоже не удержалась, достала книгу из шкафчика.

Эта последняя вышедшая книжка. Задумка написать «Убийство в пансионате» возникла после возвращения с Надеждой из загородного пансионата, где проходил творческий семинар. Что

* См. роман Н. Александровой «Роковая монета».

уж они там изучали, Мария не помнит, но дальше начались такие события, что она быстро написала детектив. Очень удачный, на ее взгляд.

Мария повертела книгу в руках. Книжка хоть и новая, но была уже порядком зачитанная, и это, конечно, хорошо. Она бросила взгляд на свою фотографию на обложке... Да, хоть и с новой прической, нет этого крысиного хвостика, но все-таки на фотографиях она получается неважно. Ну, она же не актриса и не модель.

Однако нечего расслаживаться, нужно как-то выбираться отсюда.

Она хотела поставить книгу на прежнее место, но та не влезала, как будто за время ее отсутствия соседние книги расправили плечи и заняли освободившееся пространство. Мария вспомнила, что с книгами всегда так: стоит взять одну книгу с полки, и потом ее туда уже не впишешь никакими силами. Непонятно, как она прежде там помещалась...

Но книгу нужно было вернуть на полку.

Мария взяла соседнюю книгу (это были воспоминания какого-то заслуженного циркового артиста) и переставила ее на полку ниже, где книги стояли не так плотно.

Теперь место для ее собственной книги освободилось.

Мария хотела было поставить собственное сочинение на прежнее место, но тут заметила в освободившемся просвете еще одну книгу, которая стояла позади, так сказать, во втором ряду...